

Ця стаття стосується маловідомого аспекту біографії помертньо канонізованого як "відомого радянського педагога" Антона Семеновича Макаренка, котрий у лютому 1937 р., після багаторічної успішної роботи в Україні на посаді керівника установ з перевиховання неповнолітніх правопорушників та бездоглядних, переїхав у Москву, де почав займатися "вільним письменством". Тут, у столиці Радянського Союзу, Макаренко укладає рецензію на твір письменниці-початківця з Ленінграда Наталі Гирей, що в підсумку призвело до руйнівних наслідків у долі молодій жінки. Цей випадок, проігнорований макаренкознавцями СРСР, також наочно ілюструє вияв Великого терору та його вплив на тогочасне радянське літературне середовище.

Ідентифікація "жертви" Макаренка, її походження і трагічної долі потребували багаторічних пошуків, аналізу, зіставлення й оцінки відповідних джерел. У перебігу цього пошуку, на яке автор статті спеціально звертає увагу читача, з'ясувалося, що суперечливі дані досі знайдених численних автобіографічних свідчень ви-явилися досить корисними для їх укладача. Щоб стати відомою письменницею, Н.Гирей було необхідно приховати сліди її "незручного" національного й соціального походження, для чого довелося не раз змінювати доволі "темну" біографію. Втім, відповідні факти можна виявити і відносно аналогічно мотивованого "неугодного" А. С. Макаренка стосовно його начебто пролетарського походження.

Настоящая статья затрагивает малоизвестный аспект биографии помертньо канонизированного в качестве "ведущего советского педагога" Антона Семеновича Макаренко, который в феврале 1937 г., после многолетней успешной работы в Украине в должности руководителя учреждений по перевоспитанию несовершеннолетних правонарушителей и беспризорников, переехал в Москву, где стал заниматься "вольным писательством". Здесь, в столице Советского Союза, Макаренко составляет рецензию на произведение начинающей писательницы из Ленинграда Натальи Гирей, которая в итоге привела к разрушительным последствиям в судьбе молодой женщины¹. Данный случай, проигнорированный макаренкооведами СССР, также наглядно иллюстрирует проявление Большого террора и его влияние на советскую литературную среду тех лет.

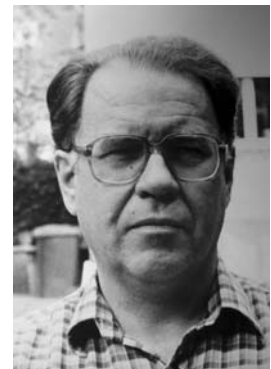
Идентификация "жертвы" Макаренко, ее происхождения и трагической судьбы потребовали многолетних поисков, анализа, сопоставления и оценки соответствующих источников. В ходе этого изыскания, на которое автор настоящей статьи нарочно обращает внимание читателя, выяснилось, что противоречащие друг другу данные найденных к этому времени многочисленных автобиографических свидетельств оказались весьма полезными для их составителя. Чтобы стать известной писательницей, Н. Гирей было необходимо скрыть следы ее "неудобного" национального и социального происхождения, для чего пришлось многократно менять весьма "темную" биографию. Впрочем, соответствующие факты можно обнаружить и в отношении аналогично мотивированного "неугодного" А. Макаренко касательно его якобы пролетарского происхождения.

The article tells about little-known aspect of the biography of Anton Makarenko, which illustrates the manifestation of the Great Terror and its impact on the Soviet literary environment of those years.

МОСКВА CONTRA ЛЕНИНГРАД

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ТЕМЕ: АНТОН МАКАРЕНКО И НАТАЛЬЯ ГИРЕЙ

Г. Хиллиг

1.

15 июля 1937 г. в органе Союза советских писателей СССР (ССП) "Литературная газета" появляется статья А. Макаренко "Вредная повесть"² (заглавие, очевидно, принадлежит редакции³) – рецензия на произведение Натальи Гирей "Шестьдесят восьмая параллель", которое было опубликовано в двух выпусках (№№ 4-5 за 1937 г.) ленинградского журнала "Литературный современник". В повести Гирей шла речь о строительстве нового города на Севере ("Хибины", в дейст-

вительности – Хибиногорск, находящийся на Кольском полуострове, который примерно в середине декабря 1934 г., после убийства Кирова, был переименован в Кировск), о "перековке" сосланных туда "кулаков" и других "врагов народа" посредством тяжелого труда, точнее говоря: принудительного труда. Главной персонаж повести – Олесь Шовкошительный, молодой парень, "кулацкий сынок", "полный идей национальной украинской романтики"⁴.

Повесть заметили, она попала в центр

¹ См.: Абарин А., Хиллиг Г. Вредный рецензент А. Макаренко // "Постметодика", 2004, № 2-3, с.113-119.

² Факсим.: Макаренко А. Собрание сочинений. Марбургское издание (ссылки как на: СС), т.9. – Равенсбург, 1978, с.93-96.

³ Рукопись данной статьи до сих пор найти не удалось. Формулировка "вредная повесть" в опубликованной версии отсутствует.

⁴ Российский госархив литературы и искусства (РГАЛИ), 1517-1-236, л.30 об.

внимания участников расширенного заседания правления Ленинградского отделения (ЛО) ССП 15 апреля 1937 г. по вопросу о творчестве молодых авторов. Как видно из стенограммы данного мероприятия, выступающие приветствовали Н. Гирей как образец "нового типа молодого поколения писателей, воспитанного нашим временем"⁵ (Р. Д. Мессер, редактор журнала, которая представляла автора). Н. Г. Свиринов – пушкинист, литературный критик и только что назначенный секретарь "Ленсоюза" – называл повесть Н. Гирей "и талантливой, и таковой, что будет производить впечатление, что ее писал не начинающий автор, а профессионал. Это сказывается в языке, в умении построить диалог, в обрисовке круга людей и в построении сюжета. Мне хочется подчеркнуть, что вещь сюжетно очень острая, и поэтому вещь такая, которую трудно бросить, начав ее читать. Это большое достоинство, товарищи"⁶. На заседании присутствовала и Наталья Гирей, рассказавшая об истории книги, над которой она работала три года⁷. Решающий импульс к написанию этой повести Н. Гирей, по ее словам, получила от ленинградского писателя М. Ф. Чумандрина, ранее опубликовавшего близкое по тематике произведение⁸, который назначил ей встречу для беседы и "открыл целый мир, как люди живут, и как это создается"⁹.

В заметке "Литгазеты" от 20 апреля 1937 г. о заседании правления ЛО ССП автор, Б. Рест (ленинградский корреспондент газеты¹⁰), отмечает: говоря о творчестве пяти начинающих литераторов, "писатели обратили внимание, что молодые авторы пришли в литературу не помимо литкружков и "литуниверситетов", они пришли "из жизни", полные творческих сил, свежих впечатлений и острых наблюдений". Как видно из этой публикации, "Н. Гирей – в недавнем прошлом техпрот в Хибинах" – была принята кандидатом в члены Союза писателей¹¹.

Но вскоре произошел внезапный поворот не только в судьбе повести, но и в жизни ее автора и некоторых ленинградских деятелей культуры. В рецензии

А. Макаренко, написанной сразу после возвращения из Украины, где он проводил свой первый писательский отпуск (июнь 1937 г.), дана неожиданно жесткая и негативная оценка: "То, что написано на 150 страницах этой повести, оставляет у читателей впечатление тяжелое.

Книга сделана настолько неудачно, с таким нарушением законов перспективы, с таким преобладанием вражеских тонов и вражеских слов, с таким завуалированным советским горизонтом, с такими подозрительными сравнениями и с такой холодностью, что при всем моем желании быть снисходительным к молодому автору я не могу быть снисходительным"¹².

После такой недружелюбной рецензии повесть Н. Гирей вновь подверглась обсуждению на специально созванном заседании ленинградских писателей и издательских работников (26.07.1937 г.) и, в конечном счете, была признана враждебной. Именно так – "Враждебная книга" – озаглавлена заметка Л. Вича (псевдоним Л. Герасимовича) в "Литгазете" от 31 июля 1937 г. (архив ленинградского отделения Союза писателей, фонды которого могли бы дать более ясную картину, к сожалению, не сохранился). На упомянутом совещании ссылками на рецензента Макаренко подчеркивалось: он "убедительно доказал, что повесть Н. Гирей – дурно пахнущее произведение, клеветнически искажающее советскую действительность". Тем самым, сообщалось далее в материале, стало возможным вскрыть истинное "фашистско-кулацкое нутро произведения"¹³. Как видно из рукописи заметки Л. Вича, один из выступающих на заседании от 26 июля заявил: "Наш большевистский Север Н. Гирей по существу отдала кулакам"¹⁴. Ярлыки вроде "дурно пахнущий" и "фашистско-кулацкий" в то время неизбежно влекли за собой арест, лагерь или иные репрессивные меры.

Сравнение публикации в "Литгазете" с принятой за основу рукописью заметки Герасимовича о ходе заседания, датированной 27 июля, все же показывает, что столь негативное резкое название –

⁵ Там же, л.30.

⁶ Там же, л.38-38 об.

⁷ Там же, лл.40, 42 об.; см. также: Друзин В. Удача молодого автора. Роман Натальи Гирей "Шестьдесят восьмая параллель" // "Лит. Ленинград", 1937, № 93, 23.04., с.3.

⁸ Имеется в виду повесть М. Ф. Чумандрина "Белый камень" о переделке человеческой психики и сознания на соцстройке Хибин (М.-Л., 1932).

⁹ РГАЛИ, 1517-1-236, л.42.

¹⁰ См.: "Счастье литературы". Государство и писатели. 1925-1938. Документы. Сост.: Д.Л. Бабиченко. – М., 1997, с.283.

¹¹ Рест Б. Плоды равнодушия. От нашего ленинградского корреспондента. // "Лит. газета", 1937, № 21, 20.04., с.1.

¹² Макаренко А. С. Педагогические сочинения (ссылка как на: ПС), т.7, с.64.

¹³ Вич Л. Враждебная книга. Письмо из Ленинграда // "Лит. газета", 1937, № 41, с.6. Здесь название повести Гирей ошибочно приведено как "62 параллель".

¹⁴ РГАЛИ, 634-1-513, л.85.

"Враждебная книга" – исходит от редакции, которая не только сильно сократила текст своего ленинградского корреспондента, но и "усилила" политико-идеологические оценки: "дурно пахнущее произведение, клеветнически искажающее советскую действительность" – ничего подобного этим словам в рукописи заметки нет.

Через неделю Л. Вич сообщил читателям о том, что 2 августа правление ленинградской писательской организации подробно занималось "вопросом Н. Гирей" и "признало ошибочным прием ее в кандидаты Союза на основе бесспорно вредной повести". Отзыв Макаренко на повесть Н. Гирей на страницах "Литгазеты" правление "единодушно признало правильным"¹⁵. Тут же последовали жесткие кадровые решения и появились первые жертвы. Ответственный редактор журнала "Литературный современник", писатель М. Э. Козаков, выступавший 15 апреля за принятие Гирей в Союз писателей, о сообщении которого на заседании 26 июля в рукописи материала Л. Герасимовича можно прочитать: оно "свидетельствовало о том, что политический смысл повести Н. Гирей им [Козаковым. – Г.Х.] до сих пор не понят"¹⁶, 3 августа был отстранен от должности¹⁷, а вскоре исключен уже и из президиума ленинградской организации Союза писателей¹⁸.

Но на этом "дело" не закончилось. Во второй заметке, которая вышла 5 августа в "Литгазете", Л. Вич раскритиковал также и Р. Мессер за ее "рекламную" статью о повести Натальи Гирей, вышедшую в № 6 "Литературного современника"¹⁹. Этот материал, составленный еще в марте того же года (как свидетельствовала Мессер в начале августа 1937 г.)²⁰, был охарактеризован как "яркий пример двурушничества и беспринципности в литературе"²¹. На сей раз в обстоятельном послании ответственному редактору "Литга-

зеты" Р. Мессер этот упрек решительно отвергла²². О негативных последствиях для нее за поддержку Н. Гирей до сих пор ничего не известно.

Следующая отрицательная оценка повести Натальи Гирей появилась в сентябрьском номере за 1937 год авторитетного ленинградского литературного журнала "Звезда". Ее автором был сотрудник местного филиала Государственного издательства художественной литературы (Ленгослитиздата) Н. В. Лесючевский²³, который, согласно рукописи заметки Герасимовича, уже на заседании от 26 июля выступил с уничтожающей критикой политического содержания повести и упрекнул редакцию "Литературного современника" в "политической близорукости"²⁴. Вскоре после этого Лесючевский был назначен директором Ленгослитиздата²⁵, сменив на этом посту М. А. Орлова²⁶.

По словам литературоведа Е. Г. Эткин-да, "заслуги" Лесючевского "перед родной литературой велики: он – автор доносов, на основании которых с 1937 по 1953 год были арестованы и уничтожены писатели"²⁷. Как председатель правления издательства "Советский писатель", Лесючевский в 1958 году активно участвовал в подготовке решения ССП об исключении Нобелевского лауреата Б. Пастернака из своих рядов²⁸.

В статье, опубликованной в журнале "Звезда", Лесючевский безоговорочно соглашается с оценкой, данной в рецензии Макаренко. Из этой публикации также следует, что повесть "68-я параллель" была удостоена второй премии в конкурсе на лучшее произведение по Ленинградской области. Ленгослитиздат же, во главе с Орловым, планировал в рамках серии публикаций, приуроченных к двадцатой годовщине Октябрьской революции, выпустить повесть отдельной книгой. Заключение Лесючевского: "Политическая вредность, враждебность повести "Шесть-

¹⁵ Вич. У ленинградских писателей // "Лит. газета", 1937, № 42, 05.08., с.5.

¹⁶ РГАЛИ, 634-1-513, л.85.

¹⁷ См.: там же, 1517-1-237, л.1.

¹⁸ В биографическом обзоре в книге фонда Козакова (РГАЛИ, ф.1517) написано (с.1): "с 1934-1937, член президиума Ленинградского отделения ССП; с 1933-1937, зам., а затем ответственный редактор журнала "Литературный современник"".

¹⁹ Мессер Р. Роман Натальи Гирей // "Лит. современник", 1937, № 6, с.254-264. Этот номер сдан в производство и подписан к печати 25.04.1937 г.

²⁰ См.: РГАЛИ, 634-1-615, л.48.

²¹ Вич. У ленинградских писателей (см. прим.15).

²² См.: РГАЛИ, 634-1-615, лл.48-50.

²³ Лесючевский Н. Враждебная повесть // "Звезда" (Ленинград), 1937, № 9, с.195-199. Подписано к печати 08.10.1937 г., т.е. данное сентябрьское издание журнала вышло лишь в октябре того же года.

²⁴ РГАЛИ, 634-1-513, л.84.

²⁵ Уже в новой должности Лесючевский 28.09.1937 г. принимал участие в "Совместном совещании Секретариата Правления ССП с редакторами издательства и журналов о подготовке к XX-летию Октябрьской революции". См. стенограмму этого мероприятия: РГАЛИ, 631-1-223 (здесь: лл.16-20).

²⁶ См.: Весь Ленинград на 1935. – Л., 1935, с.62.

²⁷ Эткинд Е. Записки незаговорщика. – Лондон, 1957, с.185. О связи Лесючевского с "органами" см. также: <http://lit.1september.ru/articlef.php?ID=200204508>.

²⁸ См.: "Континент" (Париж), 1995, № 1, с.198-202.

десять восьмая параллель" очевидна.

Как же могло случиться, что ее опубликовал советский журнал? Более того: почему некоторые критики и работники журнала и издательства подняли повесть на щит? Ведь еще до опубликования повести бывший врид [временно исполняющий должность. – Г.Х.] редактора (!) "Литературного Современника" М. Козаков на многих собраниях и заседаниях рекламировал повесть как выдающееся произведение, как "открытие" журналом замечательного автора.

[...] ротозейство, политическая близорукость и слепота еще находят себе место в литературной и издательской среде. История с повестью Гирей – печальный и суровый урок.

Надо сделать из него все выводы для искоренения в нашей среде идиотской болезни – беспечности".

Суммируя все это, можно сделать вывод: из-за рецензии Макаренко Наталью Гирей перестали упоминать как советского литератора. Так, в аннотации к процитированной выше стенограмме заседания по вопросу о творчестве пяти молодых писателей, хранящейся в Центральном госархиве литературы и искусства СССР (ныне Российский госархив литературы и искусства, РГАЛИ) упомянуты лишь четыре из них, а вместо имени пятого, как было принято в советское время при соответствующих устраненияях, поставили обыкновенное дополнение "и др.", т.е. фамилия Гирей там отсутствует.

Поэтому неудивительно, что в советском макаренковедении вплоть до перестройки эта тема оставалась под запретом. В тексте отзыва и в комментариях семитомника "Сочинений" А. С. Макаренко (т.7, Москва, 1952; 2-е изд., 1958) нет никакого упоминания об авторе, произведение которого разбирает и оценивает критик, в то время как в последнем советском собрании трудов Макаренко (восьмитомник "Педагогических сочинений"; т.7, Москва, 1986) – после аутентичной публикации этой статьи в рамках Марбургского издания его "Собрания сочинений" (т.9, Равенсбург/ФРГ, 1978) – имя Н. Гирей в тексте рецензии было восстановлено, но в комментариях она не упоминается. Там, в отличие от характера комментариев других текстов, включенных в данное издание АПН СССР, совершенно неожиданно заключается: "Сложная и ответственная тема перевод-

питания, указывает А.С. Макаренко, требует особенной четкости идейно-нравственной позиции, высокого художественного мастерства в реализации замысла произведения"²⁹.

Примечательно, что находящаяся в РГАЛИ папка с газетными вырезками, собранными педагогом-писателем, содержит страницу "Литгазеты" от 31 июля 1937 г. со статьей Л. Вича "Враждебная книга" с подчеркиваниями³⁰, свидетельствующими о том, что Макаренко следил за развитием событий вокруг Н. Гирей.

Подобной безапелляционной критике – "легкомысленное отношение к важнейшим и ответственным темам нашей жизни и борьбы, попытка подменить серьезную работу скороспелым лубком" – Макаренко немногим позже подверг и новое произведение другого автора. Речь идет о "Закономерности" Николая Вирты – романе известного советского писателя о борьбе с "троцкизмом" – совпавшим по времени с требованием Сталина, высказанном на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б), определить свою позицию по отношению к "троцкистам и другим двурушникам". В рецензии Макаренко говорится: "Мы уже хорошо знаем, что такое троцкисты [...]. В интересах повышения нашей бдительности недопустимо подменять это знание легкомысленной и безответственной выдумкой, изображающей врага народа как глупого и безответственного чудака"³¹.

Произведение Н. Вирты по Макаренко – "закономерная неудача"; он так и назвал свою рецензию, написанную, согласно записи в дневнике, 8 августа 1937 г.³², т.е. уже зная о последствиях своего отзыва на повесть Н. Гирей, и опубликованную через два дня в "Литгазете"³³. В отличие от произведения Гирей, речь здесь шла не о первой, а о второй книге автора. В наследии Макаренко сохранился более терпимый первоначальный вариант рецензии на роман "Закономерность" ("Слепым полетом")³⁴, что позволяет сделать вывод: педагог-писатель сначала хотел сделать не столь атакующий отзыв, однако затем передумал. Примечательно то, что первоначальную версию он не уничтожил.

Вышедший перед этим роман Н. Вирты "Одиночество" (журнальный вариант – осень 1935 г., книжное издание – начало 1937 г.) имел большой успех. В феврале 1937 г. сам Сталин настойчиво призывал советских писателей "написать рецен-

²⁹ ПС. Т.7, с.301.

³⁰ РГАЛИ, 332-1-83, л.38.

³¹ ПС. Т.7, с.66-71, (здесь: с.71).

³² См.: РГАЛИ, 332-5-15, л.6.

³³ Факсим.: СС. Т.9, с.97-102; также в: ПС. Т.7, с.66-71.

³⁴ РГАЛИ, 332-4-119.

зию" на эту "книжку Вирты", "роман о врагах". Рекомендацию вождя, высказанную по телефону В. П. Ставскому; последний, наиболее активный из трех ответственных секретарей правления ССП, передал своим коллегам на IV-м пленуме правления Союза. Разработанный автором сценический вариант романа под названием "Земля" был принят к постановке престижным МХАТом, о чем 8 мая 1937 г. поспешила сообщить главная газета страны, "Правда"³⁵. Об успехе "первенца" Н. Вирты, как следует из рецензии, Макаренко было известно. Знал ли он также и о протекции Сталина, о чем 20 марта – когда сам "критик" отсутствовал в Москве, еще раз задержавшись в Украине, чтобы уладить служебные дела³⁶, – информировала "Литгазета" в рамках публикации стенограммы доклада Ставского³⁷, этого, на основании данных источников, установить невозможно. Но о том, что Сталин протезирует Вирте, он, конечно же, знал. В московском доме "Советский писатель", в котором жили и Вирта, и Макаренко, об этом судачили даже на лестничных площадках. Поэтому нельзя исключать и того, что именно соседи по квартире ввели Макаренко и его подругу в курс дела.

В записной книжке педагога-писателя имеются две пометки, касающиеся Вирты, который был не только его соседом по дому, но и председателем домоуправления № 2 города Москвы по Лаврушинскому переулку, где секретарем являлся Макаренко³⁸. В это новое здание ССП он с семьей въехал вместе с группой привилегированных "советских писателей", отмеченных особым доверием партии и правительства. По пометкам можно судить, во-первых, о лично неприязненном отношении Макаренко к Вирте; во-вторых, о том, что написанию рецензии предшествовал обмен мнениями с коллегами-писателями о книге и ее авторе. Обратимся

к записям А.С. Макаренко:

"Вирта. Он прозрачен. Его "Закономерность" страшно прозрачна и бесталанна. Он сам тоже прозрачен. И прозрачен его кабинет за 30 000 и торговля из-за рубля с плотником.

Но в таком случае, почему слава, и МХАТ, и молниеносные пьесы, и чем все это может кончиться". (Май 1937 г.)³⁹.

"Вечером [...] собрался "беспартийный актив" – Паустовский, Файко, Финн, Финк, Славин. [...] Говорили много о нашем неуменье разбираться в литературных явлениях. В свое время перехвалили "Ненависть" Шухова и "Человек меняет кожу" [Бруно Ясенского – Г.Х.], теперь уже захвалили Вирту". (Дневник, 11 мая 1937 г.)⁴⁰. Кстати, в тот же день из партии был исключен писатель польского происхождения Ясенский, который переехал в СССР в 1929 году⁴¹. Немного позже его арестовали, приговорили к смерти и расстреляли. Шухов также предстал перед судом и в августе 1937 г. был осужден на два года лишения свободы⁴².

Впрочем, критика Макаренко в адрес романа Н. Вирты осталась вроде без последствий, если не считать реплики в "Правде" (ноябрь 1938 г.), связанной с книжным изданием этого произведения, где вышедшая в "Литгазете" рецензия была квалифицирована как "разнос", учиненный "в печальной памяти РАП-Повском духе [...] неким горе-критиком", – имя Макаренко, правда, при этом не упоминается⁴³. Вирта достойно оценен властью и получил в 1939 году высшую награду – орден Ленина, а в 1941 году за свой, высоко оцененный вождем народов, роман "Одиночество" – Сталинскую премию второй степени. Впрочем, в последнем письме Сталину М. Горький 1 мая 1936 г. критично характеризует данное произведение как "роман очень странный"⁴⁴.

После случая с Гирей Макаренко стал

³⁵ Постановка пьесы Н. Вирты "Земля" на сцене МХАТ // "Правда". 1937, № 125, с.4.

³⁶ См.: Хиллиг Г. Макаренко в год "Большого террора". – Марбург, 1998, с.13-15.

³⁷ См.: Решительно улучшить работу Союза писателей. Из сообщения тов. В. Ставского на IV пленуме правления Союза писателей СССР // "Лит. газета", 1937, № 15, с.2.

³⁸ См.: протокол № 1 заседания данного правления от 15.02. 1937 г. с подписями Вирты и Макаренко; РГАЛИ, 332-4-432, л.1.

³⁹ Зап. кн. № 8, запись № 916 (Архив лаборатории "Макаренко-реферат" Марбургского университета).

⁴⁰ РГАЛИ, 332-5-15, л.2.

⁴¹ См.: В парткоме Союза писателей. Ясенский и Киршон исключены из партии // "Лит. газета", 1937, № 26, 15.05., с.1.

⁴² Летом 1937 г. газеты написали об И. Шухове как о дебошире-пьянице, садистски избивавшем свою жену. Именно за это его и судили; см.: Приговор по делу И. Шухова // "Лит. газета", 1937, № 43, 10.08., с.4.

⁴³ Ровинский Л. Закономерность // "Правда", 1938, № 321, 21.11, с.3. В письме из Кисловодска к жене от 23.11.1938 г. Макаренко пишет: "Огорчен в "Правде" статьей о "Закономерности" Вирты. И самый роман, и Вирта объявляются "высокоталантливыми". Дичь, дальше которой идти нельзя, такая дичь может положить конец всякой охоте писать и всякой литературе". В кн.: "Ты научила меня плакать..." Переписка А.С. Макаренко с женой (1927-1939). В двух томах. Т. 2. Сост. и коммент. Г. Хиллига и С. Невской. М., 1995, с.267.

⁴⁴ Центральный госархив социально-политической истории (ЦГАСПИ), 558-11-720, лл.110-111 об. (здесь: л.111).

осторожнее. Могло показаться, что он старался избегать резких оценок чужей-то работы. А за начинающего автора Виктора Панова, который так же, как и Наталья Гирей, оказался из-за критики в печати в опасном положении, он даже вступился. Но это было сделано не бескорыстно. Речь идет о статье поэтессы А. Адалис "Об одном толстом журнале" (т.е. "Красная новь" за 1937 г.), опубликованной в газете "Известия" (5 февраля 1938 г.), и отклике Макаренко на нее в "Комсомольской правде" (12 февраля)⁴⁵. Защищая В. Панова и его повесть "На севере", педагог-писатель попутно отклонял острую критику на собственную "Книгу для родителей", вышедшую в "Красной нови"⁴⁶. В этой связи примечательно, что Макаренко в своем календаре на 8 февраля наметил встречу с Пановым⁴⁷. А чуть позже, на заседании президиума правления ССП от 26 марта, на котором присутствовали и Адалис и Макаренко, уже писатель М. Ю. Левидов назвал статью "Об одном толстом журнале" "очень плохой, безобразной"⁴⁸.

* * *

2.

Вернемся к Наталье Гирей, фигура которой осталась в тени для советского макаренковедения. После безуспешных попыток что-либо выяснить о ее судьбе в Союзе писателей Санкт-Петербурга и местной организации "Мемориал" я в 1996 году узнал, что в бывшем архиве КГБ Управления Федеральной Службы Безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области хранится "уголовное дело" писательницы. Двумя годами позже я получил архивную справку с надписью на деле "П-72072", где значилось: "Сарац-Ивановская-Гирей Наталья Моисеевна, 22 августа 1910 года рождения, уроженка г. Санкт-Петербурга, русская, гр-ка СССР, беспартийная, из дворян, студентка Ленинградского 1-го Энергетического техникума, литератор, проживала по адресу: г. Ленинград, ул. Павловская [ныне Мончегорская. – Г.Х.], дом 10, кв.34".

В конце концов, мой киевский коллега А. А. Абарин получил возможность ознакомиться с уголовным делом, хранящимся на Литейном пр., 4⁴⁹, в котором имеется следующая дополнительная информация о личности задержанной: "дочь дворянина и помещика"; "состав семьи: не замужем. Отец: Сарац – Моисей Маркович – в Днепро[петро]вске или Мелитополе, точно не знаю. Мать умерла в 1924 г. Брат: Андрей Сарац – студент технологического института. Адрес кв. не знаю". (Протокол допроса от 1 апреля 1938 г.). Указанная в архивной справке фамилия "Ивановская" всплывает только однажды, а именно в анкете арестованной от того же дня (она стоит на третьем месте в качестве завершающей тройную (!) фамилию – Сарац-Гирей-Ивановская, вставленная чужь-то рукой).

Н. М. Сарац-Гирей была арестована 1 апреля 1938 г. Главным управлением Госбезопасности УНКВД Ленинградской области. О причине ареста сообщалось следующее: Сарац-Гирей "достаточно избличается в том, что является участницей антисоветской группы и ведет контрреволюционную работу"⁵⁰. Поэтому принято решение: "[...] привлечь в качестве обвиняемого по ст.58-10 и 58-11 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей в Лентюрье УГБ"⁵¹. Здесь она провела полгода.

На допросах Н. Гирей, в противовес показаниям трех свидетелей, все отрицала. В обвинительном заключении от 25 сентября 1938 г. говорится: "Следствием установлено, что Сарац-Гирей среди окружающих лиц вела антисоветскую агитацию, распространяла клеветнические измышления о руководителях ВКП(б) и советского правительства по основным хозяйственно-политическим вопросам. Выразила сожаление о расстреле участников троцкистского правового центра [речь идет о подсудимых третьего московского процесса против "блока правых и троцкистов" Бухарине, Рыкове и др. – Г.Х.]. **ВИНОВНОЙ СЕБЯ НЕ ПРИЗНАЛА**"⁵².

В показаниях трех свидетелей бросается в глаза, что их фразы о знакомстве с

⁴⁵ Макаренко А., Караваева А., Эрлих А. Клевета на молодого писателя // "Комсомольская правда", 1938, № 35, с.3. По свидетельству В. Е. Гмурмана в беседе с автором (в 1973 г.) эту неизвестную советским макаренковедам статью писал Макаренко сам.

⁴⁶ См.: Хиллиг Г. Нелегкий путь к коммунизму. Как А.С. Макаренко стал "беспартийным большевиком". / Патаки Ф., Хиллиг Г. Самоуправление или конформизм? К вопросу идейно-политического становления А.С. Макаренко. С предисловием Ф. Науменко. – Марбург, 1987. С.23-74 (здесь: с.65-66).

⁴⁷ См.: РГАЛИ, 332-5-55, л.11.

⁴⁸ Там же, 631-15-260, л.238.

⁴⁹ Отрывки из уголовного дела Сарац-Гирей опубликованы в: Абарин А., Хиллиг Г. Вредный рецензент А. Макаренко (см. прим. № 1).

⁵⁰ Архив Управления ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской обл. (Архив Упр. ФСБ по С.-П и Лен. обл.), № П-72072, л.1.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, л.23 (так выделено в подлиннике).

Сарач-Гирей выглядят слишком общими и неубедительными. То же можно сказать и об описании соответствующих событий. Например, о том, что Гирей якобы являлась участницей антисоветской группы, однако по данному делу проходит она одна. К тому же, протокол допроса, который уместился на одной страничке, содержит в себе однозначное высказывание, подтвержденное подписью самой подозреваемой: "никакой антисоветской деятельности я не вела, и никаких политических единомышленников из контрреволюционеров у меня нет"⁵³.

В целом, складывается впечатление, что к аресту Сарач-Гирей в Управлении НКВД не подготовились: со свидетелями поработали слабо, не нашли существенных аргументов для изобличения ее как врага народа. Тогда за что же ее все-таки арестовали?

Уголовное дело содержит документ, проливающий свет на бытовые условия, в которых находилась Н. Гирей. Вот выписка из протокола ареста и обыска в комнате, где она жила. "Опечатано: комната площадь 10 кв.м., имущество: стол, матрац, два стула, три платья женские. Рукописи. Наброски и черновики и все материалы к повести "68-я параллель"⁵⁴. Вспомним: арест Н. Гирей и обыск ее скромного жилища были совершены только в 1938 году и не стоят в непосредственной связи с рецензией А. Макаренко, после которой против нее была развязана политическая кампания. Впрочем, фамилия педагога-писателя в деле Гирей также не упоминается⁵⁵. Здесь сыграли свою роль еще и иные факторы.

Все же – что побудило Макаренко написать такую рецензию? Будучи специалистом по "перевоспитанию", правда, несовершеннолетних правонарушителей, он был в известном смысле предрасположен к теме, обсуждавшейся в повести Н. Гирей. Так, выходявшие в свет в СССР в середине 30-х годов издания, прославлявшие ГУЛАГ, и соответствующие рецензии к ним неоднократно ссылаются и на "Педагогическую поэму".

Однако почему Макаренко вмешался в дела ленинградских литераторов? Находившаяся там писательская организация сохраняла определенную самостоятельность по отношению к головной организа-

ции в Москве. Такие авторы, как Анна Ахматова, Ольга Форш, Михаил Зощенко, все беспартийные, бросались в глаза своими в высшей степени самобытными произведениями, опубликованными в литературных журналах и в издательстве своего города. Это могло побудить верхушку большевистской партии повлиять на эту организацию путем смены руководящих кадров в ней самой и в ее печатных органах. После убийства Кирова, как значится в недатированной заметке, адресованной в правление ССП (фамилия автора документа позже была уничтожена специально), 27 членов Ленинградского отделения, "оказавшихся врагами народа", были арестованы⁵⁶. И в списке фамилий пяти секретарей этой организации с 1932 года, вышедшем из-под пера В. П. Ставского в мае 1938 г., значилось, что якобы "один вредитель сменял другого на протяжении этих лет"⁵⁷.

А. С. Макаренко, как ни грубо это звучит, была отведена роль одного из "загонщиков" в охоте на питерских писателей в год Большого террора. В опубликованной в "Литгазете" рецензии нет ни единого слова критики в адрес "Ленсоюза". Это даже было совершенно и не нужно, потому что к тому моменту главу ЛО ССП уже сместили со своего поста (см. далее по тексту). Весь огонь критики Макаренко направлен на молодую писательницу и редакцию журнала, которая опубликовала ее повесть в следующих пафосных выражениях: "до каких пор мы будем печатать что попало, до каких степеней может доходить у нас редакторская небрежность, литературная и художественная всеядность?"⁵⁸.

Можно предположить, что статья Макаренко заказная. Помимо цели – укрощение строптивых ленинградских литераторов, московского писателя прямо или косвенно всегда что-то побуждало включиться в схватку одной из соперничающих группировок за руководство Всесоюзным ССП. В борьбе против В. Р. Ставского его противники объединились вокруг А. А. Фадеева. Так, в письме писательниц В. А. Герасимовой (жены последнего) и А. А. Караваевой члену Политбюро ВКП(б) А. А. Андрееву от 2 марта 1938 г. речь идет о "желании В. Ставского и близких ему людей [...] сохранить свое руководящее положение"⁵⁹, в то время как

⁵³ Там же, л.11.

⁵⁴ Там же, л.3.

⁵⁵ См.: письмо Прокуратуры С.-Петербурга № 13-563-2000 от 20.11.00 г. к А. А. Абарину, где говорится: "При просмотре архивного уголовного дела в отношении САРАЧ-ГИРЕЙ, в протоколах допроса и др. документов упоминаний А. С. Макаренко не обнаружено".

⁵⁶ См.: РГАЛИ, 634-1-615, л.63.

⁵⁷ "Счастье литературы" (см. прим.10), с.283.

⁵⁸ СС. Т.9, с.93.

⁵⁹ "Литературный фронт". История политической цензуры 1932-1946 гг. Сб. документов. Сост. Д.И. Бабиченко. М., 1994, с.27-29 (здесь: с.27).

литературный критик О. С. Войтинская в середине марта того же года проинформировала сталинского заместителя в Ленинграде А. А. Жданова о "пресловутой борьбе Ставского против Фадеева, попытке Ставского уличить всех критикующих его во всех смертных грехах"⁶⁰. Та же Войтинская сообщила на втором заседании трехдневного совещания писателей в ЦК ВКП(б) (26, 27 марта и 8 апреля 1938 г.), проходившем под председательством Андреева и Жданова, о разговоре со Ставским в конце декабря 1937 г., когда тот ее спросил напрямую: "Ты, собственно, за кого – за меня или за Фадеева?"⁶¹.

Последнему Макаренко еще со времени своего переезда из Украины в столицу СССР чувствовал себя особенным образом обязанным. Пожалуй, именно благодаря Фадееву перед новоиспеченным москвичом открылись возможности добывать своими публикациями необходимые средства к жизни. Фадеев защищал Макаренко также и от политических упреков. Так, например, в начале 1938 г., когда борьба со Ставским за руководящий пост во Всесоюзном ССП разгорелась с крайней остротой, именно Фадеев предложил кандидатуру беспартийного Макаренко на должность директора Гослитиздательства. В ответ на это Ставский указал своему сопернику на то, что из Киева, бывшего места работы педагога-писателя, ему были присланы документы, которые открывали, как там говорилось, "контрреволюционное прошлое" Макаренко. Фадеев, кстати, откровенно сообщил об этом в первый день совещания писателей в ЦК ВКП(б) (26 марта 1938 г.⁶²) и занял по этой проблеме следующую позицию: "А все почему? Потому что Макаренко – самостоятельный человек, любил говорить правду прямо в глаза руководству Союза"⁶³. А прозаик Л. М. Леонов на следующий день совещания, 27 марта 1938 г., продолжил фадеевскую критику Ставского, указав на то, что тот в разосланном им циркуляре "рекламировал вредную книгу Нат. Гирей "68-я параллель"⁶⁴ – при этом

он обратился к заголовку рецензии Макаренко и подхватил ее мотивы⁶⁵.

В день открытия совещания в ЦК Ставский объявил: из 101 члена правления Союза советских писателей, избранных в 1934 г. на учредительном съезде, "30 взяты органами НКВД"⁶⁶. Данные о числе "врагов народа" среди литераторов, состоящих в ССП, содержатся в объемном письме секретаря партийного комитета Союза Д. А. Марченко, направленном 11 февраля 1938 г. Сталину, а также Молотову, Андрееву, Жданову, Ежову и Маленкову. В этом документе его автор хочет "обратить внимание на некоторые отрицательные моменты, свидетельствующие о неблагоприятном и тревожащем положении в результате двадцати месяцев полномочного руководства Ставским литературой после смерти Горького и ухода Щербакова ["оргсекретаря" ССП. – Г.Х.]. За это время, – как значится далее в письме, которое сохранилось в бывшем Центральном партийном архиве Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КПСС вместе с протоколами трех заседаний совещания в ЦК⁶⁷ и, по всей вероятности, послужило поводом созыва этого особо важного мероприятия, – НКВД – в большинстве случаев без участия Союза Писателей – разоблачил много сотен мерзавцев среди писателей – не будет преувеличением определить число их в 30-35% всего состава Союза Писателей. Ряд писательских организацией (в нац. республиках, Ленинградская [sic!] и др.) оказались еще в большей степени засоренными враждебными элементами"⁶⁸. На третьем заседании совещания в ЦК (8 апреля 1938 г.) Ставский, на вопрос Жданова, назвал количество членов ССП, – 2 300 человек⁶⁹, что означало: приблизительно 700-800 из них до начала 1938 г. были арестованы.

Самого Ставского секретарь парткома характеризовал как "чуждого, если не враждебного партии человека"⁷⁰. Из суждений Марченко о "Ленсоюзе" явствует: "После разоблачения многочисленной го-

⁶⁰ Там же, с.29-33 (здесь: с.32).

⁶¹ Российский госархив социально-политической истории (РГАСПИ), 5-1-302, л.66.

⁶² На титульных листах стенограмм протоколов первых двух заседаний совещания писателей (РГАСПИ, 17-120-301, -302) первое из них ошибочно датировано 25 марта.

⁶³ РГАСПИ, 17-120-301, лл.27-28.

⁶⁴ Там же, 5-1-302, л.97.

⁶⁵ Преследование писателей в широком объеме инициировано, как известно, еще за год до Большого террора, а именно – летом 1936 г., в связи с первым московским процессом против "троцкистско-зиновьевского террористического центра".

⁶⁶ РГАСПИ, 17-120-301, л.7.

⁶⁷ Там же, 5-1-304, лл.2-14. В архивном описании (там же, л.1) соответствующее письмо ошибочно отнесено к И. А. Марченко (Гос. институт театрального искусства). О Д. А. Марченко см.: "Счастье литературы" (см. прим.10), с.227, 302.

⁶⁸ РГАСПИ, 17-120-304, л.2.

⁶⁹ Там же, 5-1-302, л.107.

⁷⁰ Там же, 304, л.2.

реловской банды в Ленинграде [под этим названием имеются в виду сторонники секретаря ЛО ССП А. Е. Горелова⁷¹. – Г.Х.] Ставский (вместе с Вс. Вишневским) провел на собрании ленинградских писателей новое руководство с Н. Свириным во главе. Свирин вскоре был разоблачен как троцкистский двурушник⁷². Напомним: именно Свирин – которого назначили на должность секретаря Ленинградской писательской организации на ее же пленуме 20 марта 1937 г.⁷³ и уже через три месяца сместили⁷⁴, а также исключили из состава редакции Академического собрания сочинений А. С. Пушкина⁷⁵ – на заседании 15 апреля 1937 г. осыпал повесть Н. Гирей похвалами. Пост Свирина в конце июня того же года временно получил авторитетный писатель Н. С. Тихонов⁷⁶, но уже в октябре на эту должность назначен А. И. Шабанов⁷⁷, который на заседании 2 августа присоединился к осуждению молодой писательницы: "Редакцией журнала допущена серьезная политическая ошибка. Помещение повести Н. Гирей на страницах "Лит. современника" ничем нельзя оправдать"⁷⁸. Но его время на вершине ленинградского писательского "Олимпа" также было коротким. В конце февраля 1938 г. его как "врага народа"⁷⁹, "арестованного органами НКВД", исключили из правления ЛО ССП и из числа членов Союза⁸⁰.

* * *

3.

Дебют Макаренко в кругу столичных писателей состоялся на их общем собрании по вопросу "Итоги пленума ЦК ВКП(б) и работа ССП" в начале апреля 1937 г., а именно в ходе обсуждения вводного доклада Ставского⁸¹. Макаренковская речь была воспринята собранием

неоднозначно⁸². Однако не случайно в майском номере влиятельного журнала "Октябрь", одного из органов Союза писателей, опубликовавшем отчет об апрельском совещании, были помещены только две речи – Фадеева "Учиться у жизни" и Макаренко "Больше коллективности".

В своем выступлении Макаренко говорил о возможности улучшения качества работы правления ССП. Посему он требовал, чтобы существовал "настоящий, специальный, прекрасно организованный американский учет" работы писателей⁸³. "Такой настоящий учет, такой совершенный учет по последнему слову техники" должен быть в президиуме правления. В этой связи Макаренко помимо Ставского называет также и Фадеева.

Напомним, что собрание московских литераторов состоялось через месяц после завершения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б), решения которого предопределили "основные направления" Большого террора. Поэтому одной из основных задач апрельского собрания писателей была не только поддержка требования Сталина в отношении "троцкистов и других двурушников", но и подготовка "ягнят для заклания" из своей родной литературной среды. Здесь конкретно назывались возможные кандидаты для занятия мест "на жертвенном алтаре". Вскоре все они, по хорошо отработанному сценарию, были подвергнуты позорному публичному шельмованию в печати и вслед за тем арестованы. И два года спустя этих хорошо известных тогда писателей уже не было в живых.

5 апреля 1937 г., до макаренковского выступления, на общемосковском собрании резко критиковалась работа секции драматургов ССП. Ее "фактического руководителя" В. М. Киришона упрекали в том, что он "подменял коллективное руководство своеобразным единоначалием"

⁷¹ О снятии Горелова и общественной изоляции его заместителя рассказывал М. Ф. Чумандрин на общем собрании московских писателей в начале апреля 1937 г.: "У нас первым секретарем ССП был Горелов, который оказался врагом народа. Он изолирован соответствующими органами. Что касается второго секретаря Союза, то за пять минут до отъезда на вокзал – мы проголосовали на исключение его из партии, это Беспамятнов, который активно покрывал врагов народа [...]"; РГАЛИ, 631-15-215, лл.8-14 (здесь: л.11).

⁷² РГАСПИ, 5-1-304, л.10.

⁷³ См.: РГАЛИ, 634-1-615, лл.65-73.

⁷⁴ См.: там же, 631-15-158, л.70 с об.

⁷⁵ См.: там же, 612-1-2787, лл.92-93

⁷⁶ См.: Там же, 631-15-176, лл.6-7.

⁷⁷ См.: там же, лл.1, 27-31.

⁷⁸ См.: *Вич* (см. прим.15).

⁷⁹ См.: "Счастье литературы" (см. прим.10), с.283.

⁸⁰ См.: РГАЛИ, 631-15-319, л.19.

⁸¹ См.: "Лит. газета", 1937, № 18, 06.04., с.1.

⁸² Распространенной в макаренковедении является позитивная оценка В. Г. Финка, соседа Макаренко по дому писателей; см. его мемуары "Литературные воспоминания" (М., 1960, с.226). Но есть и другие участники заседания, как В. В. Вересаев и К. Г. Паустовский, которые оценили речь Макаренко как "маразм" (В. Г. Бейлинсон в письме к автору, 2008 г.).

⁸³ СС, т.9, с.75; во всех советских собраниях трудов А. С. Макаренко слово "американский" вычеркнуто – см., на пр., ПС, т.7, с.23.

⁸⁴ См.: Общемосковское собрание писателей // "Лит. газета", 1937, № 18, 06.04., с.3-4. (здесь: с.3).

ем"⁸⁴. Макаренко стал свидетелем выпадов в адрес "главдраматурга" со стороны И. Л. Прута, в чьей речи он "почувствовал кулацкий запах", а "драмсекцию" назвал "драматургическим хутором", чем вызвал у слушателей смех и аплодисменты⁸⁵.

Спустя несколько недель (в конце мая 1937 г.) педагог-писатель намеком сообщает об этом событии в письме своему харьковскому другу Константину Кононенко: "Киршона ругать не с кем"⁸⁶. Следует отметить, что и данное письмо показывает беспомощность Макаренко в незнакомой ему литературной среде столицы. Так он подчеркивает: "Без Кости никакого понятия не имею о конъюнктуре рынка, без чего органически жить не могу". Безусловно, это было связано с тем, что после снятия Ягоды с поста Наркома связи СССР, о чем сообщили газеты 4 апреля 1937 г.⁸⁷, не только Киршону, но также и многим другим литераторам, в том числе и бывшему руководителю РАПШа Л. Л. Авербаху, вменялась в вину их поддержка наркомом. Тут же в ССП бывшие рапповцы начали делиться на сторонников и противников Авербаха.

А между тем, забытый ныне Киршон был тогда популярным драматургом, пьесы которого ставились часто и охотно. Как "бывший соратник троцкиста Авербаха", 11 мая 1937 г. он был исключен из партии⁸⁸, 29 августа арестован, 21 апреля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в "участии в контрреволюционной террористической организации" приговорен к высшей мере наказания (ВМН) и 28 июля 1938 г. – расстрелян⁸⁹. На уже многократно упоминавшемся совещании в ЦК в марте-апреле 1938 г. Фадеев обвинил Ставского в том, что он "не проявил бдительности" по отношению к Киршону, и когда уже было известно, что арестован Авербах, тот "выступает, берет Киршона под защиту и называет его своим другом"⁹⁰.

В курс дела относительно "конъюнктуры" литературного рынка Макаренко ввел, вне сомнения, Фадеев. Оказалось,

что после участия в общемосковском собрании писателей и публикации его речи Макаренко обрел карьерный вес, а его "рыночная стоимость" ощутимо возросла. Это было, как нельзя, кстати, так как все ощутимо подорожало. К тому же жизнь его супруги (Галины Стахиевны) на широкую ногу в новой столичной квартире с домработницей и кухаркой (что, впрочем, было заведено Г.С. уже в Киеве), требовало твердого дохода единственного кормильца семьи.

Значимость Макаренко выросла не только в семейном быту, но и политически. После переезда в столицу он жил, "держа нос по ветру", всячески стараясь уловить политическую струю, о чем свидетельствуют его панегирики в честь партии и "нашего чудесного рулевого – гениального Сталина" по поводу выборов в Верховный Совет СССР осенью 1937 г. Как "приезжий", он не был тогда замечен в тесных связях с московскими коллегами и не входил в разнообразные враждебные группировки, что и уберегало его от ареста.

Одновременно усилилось влияние Макаренко в аппарате правления Союза писателей. Как видно из протокола счетной комиссии общего собрания московских прозаиков 16 ноября 1937 г. под председательством И. М. Касаткина, в число действительных членов только что организованного Бюро секции прозаиков прошли пятеро. Тайным голосованием 80-ти лиц, участвовавших в выборах, Макаренко прошел третьим по числу голосов из 27-ми кандидатов. Первые места заняли Федин и Касаткин⁹¹. Показательно, что фамилия Ставского, который в ноябре 1937 г. благоразумно снял свою кандидатуру с голосования⁹², отсутствует в заметке о дополнительно избранных членах бюро секции прозаиков⁹³.

То, что выполнение руководящих функций в Союзе писателей в то время не означало автоматическую защиту от преследований, показывает пример Касаткина, единственного "партийца" среди 5-ти членов бюро ССП, избранных в ноябре

⁸⁵ См.: СС, т.9, с.73.

⁸⁶ Свидетельства искренней дружбы: воспоминания К. С. Кононенко о А. С. Макаренко. Издатели: Г. Хиллиг, В. Марочко. – Марбург, 1997, с.21.

⁸⁷ Постановление президиума ЦИКа СССР, опубликованное в газетах "Правда" и "За коммунистическое просвещение" (а не в "Известиях" и "Литгазете"), гласит так: "Об отрешении от должности народного комиссара связи СССР Г. Г. Ягода. Ввиду обнаруженных должностных преступлений уголовного характера народного комиссара связи СССР Г. Г. Ягода, президиум Центрального исполнительного комитета Союза ССР постановляет: 1. Отрешить от должности народного комиссара связи Г. Г. Ягода. 2. Передать дело Г. Г. Ягода следственным органам. Москва. Кремль, 3 апреля 1937 г."

⁸⁸ См.: В парткоме Союза писателей. Ясенский и Киршон исключены из партии // "Лит. газета", 1937, № 26, 15.05., с.1; Киршон и Кобельников исключены из партии // Там же, № 28, 26.05., с.5.

⁸⁹ Информация общества "Мемориал"; письмо к автору от 09.11.1998 г.

⁹⁰ РГАСПИ, 17-120-301, л.29.

⁹¹ РГАЛИ, 631-15-232, лл.4, 39-41; см. также: "Лит. газета, 1937, № 63, с.6.

⁹² См.: РГАЛИ, 631-15-232., л.1.

⁹³ См.: РГАЛИ, 631-15-232., л.1; 279, лл.66-67.

1937 г. Когда 25 марта 1938 г. на заседании секции прозаиков открытым голосованием были доизбраны еще 4 члена бюро, среди них и проваленный на тайном голосовании Фадеев, имя Касаткина в списке ранее избранных членов уже не упоминалось⁹⁴. Последняя публикация писателя – "Старый Левон", была в "Правде" от 25 декабря 1937 г. По сведениям московского "Мемориала" этот автор, охарактеризованный секретарем парткома Союза писателей Марченко в вышеупомянутом письме к Сталину как "безобидный"⁹⁵, был арестован 31 января 1938 г., Военной коллегией Верховного суда СССР 21 апреля того же года по обвинению в "участии в контрреволюционной террористической организации" приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян⁹⁶.

"Ценность" Макаренко на литературном рынке явственно устанавливается из изученных мной в фонде редакции "Литгазеты" "ведомостей на выдачу гонорара авторам статей". Его первый гонорар начинающего публициста здесь составлял только 30 рублей (за статью "Писатели – активные деятели советской демократии", 10.03.1937 г.); с апреля 1937 г., после выступления на общемосковском собрании писателей, гонорар увеличился (пропорционально официальному весу Макаренко) до 150-500 рублей за статью⁹⁷. Такие деньги тогда получали лишь несколько обласканных властью писателей страны – Фадеев, Шолохов, Пастернак, А. Н. Толстой. Общая сумма его гонораров за публикации только в "Литгазете" и лишь за 1937 год – среди них рецензии на произведения Н. Гирей (450 руб.) и Н. Вирты (500 руб.) – составила около 4 000 рублей.

Главным журналом для писателя Макаренко стала в 1937 году "Красная новь", где уже с июльского номера начали печатать "Книгу для родителей" (гл. 1-4). Первоначально это произведение должно было быть опубликовано в издаваемом Горьким "Альманахе", периодическом издании под названием "Год шестнадцатый" [и т.д. – после Октябрьской революции. – Г.Х.], в котором ранее – в 1934-36 годах – уже была опубликована "Педагогическая поэма".

Почему "Книга для родителей" не вышла "в миленьком моем альманахе", как называл его педагог-писатель в одном из своих писем в редакцию⁹⁸, а была опубликована в журнале "Красная новь"? Причиной такой "измены", вероятно, послужило знакомство Макаренко с двумя членами редколлегии "Красной нови", которые два года спустя рекомендуют его кандидатом в члены ВКП(б) – А. А. Фадеевым и В. В. Ермиловым. Эти бывшие рапповцы, вместе с их ленинградскими коллегами Ю. Н. Либединским и Чумандриным (покровителем Гирей), уже к моменту 1-го Пленума Оргкомитета ССП (осень 1932 г.) твердо заняли партийные позиции⁹⁹.

В свое время Фадеева и Ермилова включили в редколлегию "Альманаха", созданную еще Горьким, однако ее распустили летом 1937 г. Тот факт, что решение о месте публикации "Книги для родителей" было принято, так сказать, в последний момент, свидетельствует следующее: в июньском номере журнала в анонсе на второе полугодие 1937 г. макаренковское произведение отсутствовало¹⁰⁰. Интересная деталь: "Красная новь" в тексте журнальной версии "Книги" была охарактеризована автором как "мой уважаемый шеф"¹⁰¹. Через год это периодическое издание опубликовало также новую повесть Макаренко "Флаги на башнях".

* * *

4.

Но вернемся к "делу" Н. Сарач-Гирей. Составляя 1 апреля 1938 г. анкету арестованной, сотрудник Лентюрьмы НКВД Ефимов в графе 20 пишет, что на вопрос, состояла ли Н. Гирей под судом и следствием, последняя дала отрицательный ответ: "Не судилась"¹⁰². Зато оперуполномоченный IV отдела УГБ сержант ГВ Михайлов, который допросил Н. Гирей в качестве обвиняемой в этот же день, записал в протоколе допроса: "В 1931 г. была арестована ОГПУ. Под арестом находилась 5-6 месяцев. Освобождена без последствий"¹⁰³.

Знакомство с методами работы ОГПУ-НКВД позволяет прийти к выводу, что в

⁹⁴ Там же, л.1.

⁹⁵ РГАСПИ, 17-120-304, л.4.

⁹⁶ См.: письмо общества "Мемориал" от 09.11.1998 г. к автору.

⁹⁷ См.: РГАЛИ, 634-1-428, л.6; 429, лл.38, 60; 430, лл.7 об., 8, 40 об.; 432, лл.2, 8 об, 28, 36; 433, лл.16, 17 об., 36.

⁹⁸ РГАЛИ, 622-1-8, л.22.

⁹⁹ См.: "Счастье литературы" (см. прим.10), с.218-219.

¹⁰⁰ "Красная новь", 1937, № 6, 4-я обл. с.

¹⁰¹ Там же, № 9, с.105.

¹⁰² Архив Упр. ФСБ по С.-П. и Лен. обл., № П-72072, л.8 об.

¹⁰³ Там же, л.10 об.

1931 году на свободу без постановления о прекращении следствия, без суда, без применения реабилитации или амнистии, вышла Н. Сарач-Гирей-Ивановская – новоиспеченный агент ОГПУ, впоследствии переданная в том же качестве в НКВД. Не исключено, что она была запущена в окружение коллег с одной целью – следить и информировать. Некоторые данные в уголовном деле Сарач-Гирей, как, например, "незнание" того, где находится ее отец, по какому адресу проживает в Ленинграде ее брат – все это косвенно подтверждает такое предположение.

Факт реабилитации Н. Гирей не в середине 1950-х (сразу же после смерти Сталина), а лишь 17 августа 1989 г. – еще один аргумент, свидетельствующий об агентурной деятельности студентки. Она была реабилитирована "на основании статьи 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. "О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х годов и начала 50-х годов". Этим Указом были реабилитированы те, кого заставляли доносить, и те, кто, несмотря на сотрудничество с органами, были репрессированы.

В уголовном деле НКВД СССР № 23686 по ленинградскому писателю Б. И. Эрлиху¹⁰⁴, обвиняемому в принадлежности к "контрреволюционной троцкистской организации" и проведении "активной террористической и вредительской работы", задержанный согласно протокола допроса от 9 ноября 1937 года заявил, что он был "завербован в 1932 году в городе Ленинграде Чумандриним Михаилом Федоровичем, бывшим членом Союза советских писателей". Далее в протоколе перечисляются традиционные для НКВД того времени "признания". В частности, Эрлих заявил следователям: "я знал от Чумандрина, что наша контрреволюционная организация была связана с японской разведкой". По странному стечению обстоятельств объявленный контрреволюционером Эрлих незадолго перед тем в соавторстве с Чумандриним и другими литераторами написал отчет об общем собрании ленинградских писателей по поводу второго "Московского процесса", который был опубликован 19 января 1937 г. под заголовком "Никакой пощады!" на страницах газеты "Литературный Ленин-

град"¹⁰⁵.

Однако, в то время как Эрлих 19 ноября 1937 г. был приговорен к ВМН и расстрелян, о репрессиях в отношении известного писателя Чумандрина и его (временном ?) исключении из ССП до сих пор нет никаких сведений. Он еще участвовал в советско-финской войне и умер от болезни в 1940-м году; в феврале 1941 г. в Ленинградском Доме писателя состоялся вечер памяти М. Ф. Чумандрина, а его детям по ходатайству Союза писателей была назначена пенсия¹⁰⁶. Если считать высказывания Эрлиха на допросе достоверными, то тот факт, что карьера Чумандрина не оборвалась внезапно, можно объяснить лишь тем, что и он был секретным сотрудником "органов" или имел там хороших знакомых, прикрывавших его.

Как говорится в "Выписке из протокола Особого совещания при Народном комиссаре Внутренних Дел СССР от 8 октября 1938 г.", включенной в уголовное дело Сарач-Гирей Натальи Моисеевны, она получила приговор в тот же день – "за к[онтр-]р[еволюционную] агитацию заключить в исправтрудлагерь, сроком на пять лет, считая срок с 1/IV-38 г."¹⁰⁷. Согласно выше цитированной архивной справке, срок наказания она "отбывала в УСОЛЬЛАГЕ НКВД (УСОЛЬские ЛАГеря) ст. Соликамск, ж.д. им. Кагановича [Пермская область. – Г.Х.]. Сведений о дальнейшей судьбе в материалах дела не имеется".

* * *

5.

Дополнительные данные о молодой писательнице содержит личное дело "Сарач Натальи Моисеевны", сохранившееся в архиве Санкт-Петербургского энергетического техникума, которое петербургский макареновед З. Ш. Тененбойм по моей подсказке нашел в 2008 году и сумел его просмотреть. Речь идет о документах относительно зачисления Сарач в это учебное заведение¹⁰⁸, а именно: письмо редакции журнала "Литературный современник" от 7 февраля 1937 г., содержащее рекомендацию принять автора на вечернее отделение подготовительного курса; справка о том, "что она действительно проживает в доме № 8, кв.5 по ул. 3 Июля"¹⁰⁹, а также недатированная авто-

¹⁰⁴ <http://esenin.ru/forum/viewtopic.php?t=131&postdays=0&postorder=asc&start=480&sid=b8842fc1f89da3f0e76142834700c194>

¹⁰⁵ См.: Никакой пощады! На общем собрании ленинградских писателей // "Лит. Ленинград", 1937, № 5, 17.01., с.1.

¹⁰⁶ См.: РГАЛИ, 3141-1-61.

¹⁰⁷ Архив Упр. ФСБ по С.-П и Лен. обл., № П-72072.

¹⁰⁸ Архив С.-Петербургского энергетического техникума, оп.1, ед.хр.139-144.

¹⁰⁹ В момент ареста (01.04.1938 г.) Н. Сарач жила на Павловской ул., д.10.

биография того времени, которая заслуживает особого внимания исследователя. Данный рукописный текст гласит:

"Автобиография

Н.М. Сарач
Ул. 3 июля № 8, кв.5

Родилась в 1910 г. в Ленинграде. Отец военный врач. Детство до 15 лет провела на юге Украины и Кубани.

В 1927 окончила школу II ступени (IX групп). По окончании школы до момента смерти отца находилась на его иждивении (до 1931 г.). С 1931 г. работала в системе Западно-Сибирского ОГИЗа в городе Новосибирске, сперва продавщицей в книжном магазине, потом в самом издательстве, и с осени 1932 г. по декабрь 1933 г. в газете "Новосибирский рабочий". С января 1934 г. работала в городе Кировске, первое время литературным сотрудником в газете "Хибиногорский рабочий". А с 1935 г. в системе треста "Апатит" по курсовой части в качестве преподавателя математики в кружках техминимума и на стахановских курсах при ЦЭС и ЖДВ по декабрь 1936 г. Последнее время работала над своей книгой.

Н. Сарач"

Кроме уже упомянутых документов, в личном деле Н. М. Сарач из архива Санкт-Петербургского энергетического техникума сохраняются и следующие бумаги: свидетельство об образовании (справки о посещении ею средней школы в Ленинграде от 15 июля 1927 г. – она окончила полный курс I-ой и II ступени 15-ой единой трудовой школы, одного из престижных учебных заведений города на Неве, "причем обнаружила достаточные познание и развитие по всем обязательным предметам курса") и о предыдущей трудовой деятельности, а, кроме этого, подтверждение о зачислении ее в Ленинградский энергетический техникум от 14 февраля 1937 г.; заявление с просьбой о включении ее в число студентов 1 курса от 27 июля того же года, а также подписанное зам. директора по учебной работе данного техникума распоряжение от 26 апреля 1938 г. об отчислении "за непосещение занятий" – это производит впечатление: о причине отсутствия на занятиях, т.е. об аресте студентки 1 апреля преподавательская общественность не была информирована; однако также не исключено, что такая запись была сделана специально, чтобы "своевременное" отчисление избавило техникум от ответственности. В личном деле имеется, кроме того, и студенческий билет от 31 марта 1938 г. с фотографией, который Н. М. Сарач уже не мог быть выдан.

Впрочем, фамилия "Гирей" в вышеупомянутых документах нигде не значится. Совершенно очевидно, что речь идет о псевдониме, который начинающая писательница Н. Сарач взяла только в связи с публикацией ее повести весной 1937 г. Известная из цитированной архивной справки, а также из анкеты арестованной, фамилия Сарач-Ивановская появляется в личном деле только однажды, а именно – в справке о посещении школы от 15 июля 1927 г.

Рекомендательное письмо редакции от 7 февраля 1937 г. дает нам кроме всего прочего понять, что книга, над которой молодой автор тогда работала и за которую она от журнала, начиная с того же месяца, "получала ежемесячное жалование по 30 р. в счет платы за свою литературную работу", первоначально должна была называться "Паныч с фольварка"¹¹⁰. По вышеупомянутой автобиографии (начало 1937 г.), Н. Сарач как дочь военного врача провела "детство до 15 лет на юге Украины и Кубани". Так что она была знакома с местами, откуда происходил главный герой ее романа.

В автобиографии также повествуется о том, что Н. Сарач с момента окончания школы в 1927 году до смерти своего отца "находилась на его иждивении (до 1931 г.)". В выше цитированном уголовном деле, однако, значится, что отец Натальи еще был жив до ее ареста (в 1938 г.). В 1931-1933 гг. она, согласно автобиографии, работала в системе Западно-Сибирского ОГИЗа в Новосибирске; после чего переехала в г. Хибиногорск (Кировск) Ленинградской (с 1938 г. – Мурманской) области, где она с начала 1934 г. работала литературным сотрудником в редакции газеты "Хибиногорский рабочий", затем преподавателем русского языка и математики на стахановских курсах и курсах малограмотных, а впоследствии – в Управлении Железнодорожной ветки Северного горно-химического треста "Апатит". В соответствующих справках имеется стандартная формулировка, согласно которой она "за время своей работы проявила себя как хороший и добросовестный работник". Побуждение к изучению энергетики она получила, очевидно, на основе ее деятельности в системе треста "Апатит".

Продовження у наступному номері ■

¹¹⁰ В опубликованной версии это название – подзаголовок повести.